Jewrejskoje kładbiszcze
w Pradze i Sowiet
predstawitielej 12 kolen..

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ ВЪ ПРАГѢ

и

СОВѢТЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

ДВѢНАДЦАТИ КОЛѢНЪ ИЗРАИЛЕВЫХЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
ПО МОЙКѢ, У КРУГЛАГО РЫНКА, № 5.
1872.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17-го мая 1872 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Описаніе еврейскаго кладбища въ Прагѣ и легендарный разсказъ о собраніи представителей двѣнадцати израильскихъ колѣнъ заимствованы изъ историко-политическаго романа Сера Джона Редклиффа «До Седана», помѣщеннаго въ журналѣ, издаваемомъ Николаемъ Степановичемъ Львовымъ.

Содержаніе легенды не есть вымыселъ одного Редклиффа; скорѣе Редклиффъ, съ свойственнымъ ему фантастическимъ воображеніемъ, собралъ части въ одно цѣлое и окрасилъ все поэтическими красками, поражающими, можетъ быть, чрезмѣрною яркостію, но тѣмъ не менѣе представляющими интересъ.

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ ВЪ ПРАГѢ

И

СОВѢТЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДВѢНАДЦАТИ КОЛѢНЪ ИЗРАИЛЕВЫХЪ.

Еврейскій кварталъ Праги представляетъ собой замѣчательный лабиринтъ кривыхъ и узкихъ улицъ; онъ лежитъ вблизи стараго пражскаго предмѣстья, бывшаго свидѣтелемъ многихъ кровавыхъ эпизодовъ богемской и нѣмецкой исторіи. Обитатели грязныхъ и развалившихся домовъ этого квартала занимаются мелочною торговлею и барышничествомъ, какъ въ своей, такъ и въ остальныхъ частяхъ города. Прага—единственный городъ Германіи, гдѣ Евреи живутъ совершенно изолированно отъ націи, имя которой они приняли для того, чтобы пользоваться преимуществами городскаго общества и эксплуатировать его въ свою пользу. Еврейскій кварталъ въ Прагѣ тоже самое, что толкучій рынокъ въ Вѣнѣ и Темпль въ Парижѣ. Въ этихъ мѣстахъ ежедневно производятся обороты на нѣсколько тысячъ.

Если сдѣлаешь нѣсколько шаговъ по этому грязному, вонючему рынку, то вдругъ наткнешься на старую, высокую, вывѣтрившуюся стѣну, огораживающую простран-

ство отъ одной до двухъ десятитъ. Бузина и другіе дикіе кустарники обвиваютъ эту стѣну. Къ ней, на всемъ ея протяженіи, примыкаютъ старые еврейскіе дома, которымъ каждую секунду грозитъ опасность разрушенія. Странный кругъ, образуемый этой стѣной, имѣетъ непривѣтливый, запутанный видъ.

Это—городъ мертвыхъ, — знаменитое Пражское кладбище.

Въ этомъ мѣстѣ покоя видѣнъ духъ народа, кости котораго нашли здѣсь пріютъ послѣ долгаго странствія, — здѣсь отпечатана вся его исторія, полная страданій, борьбы и сопротивленій.

Кажется, что каждую минуту эти заросшія кустарникомъ гробницы готовы открыться, эти цѣлыя тысячелѣтія наростающіе камни—приподняться и выпустить на свѣтъ безпокойнаго странника съ мѣшкомъ на спинѣ, съ палкой въ рукахъ, чтобъ онъ снова шелъ къ чужимъ людямъ — обманывать и бороться съ ними, и искать новаго Ханаана — Владычества!

Іудейское кладбище въ Прагѣ самое старинное, которое только извѣстно. Уже сто лѣтъ оно закрыто закономъ государства. Для иностранцевъ-это историческая примѣчательность, для Іудеевъ — святыня. Впечатлѣніе этой пустыни усиливается окружающею обстановкою. Между тѣсно-скученными рядами гробницъ, памятниковъ, обросшихъ мхомъ, остался только узкій проходъ, который почти весь заросъ кустарниками терновника и дрока.

Во время осмотра, сторожъ разскажетъ посѣтителю исторію смерти раввина Бенъ-Манассіи, великаго покорителя смерти, и раввина Леве, самаго ученаго изъ раввиновъ 17-го столѣтія; разскажетъ о Симеонѣ праведномъ и о польской княгинѣ Аннѣ Шмилесъ. Дальше онъ поведетъ его къ памятнику Анны Конъ, на которомъ можно прочесть таинственную цифру 606, которая доказываетъ, что евреи, слишкомъ тысячу двѣсте лѣтъ тому назадъ, хоро-

нили здѣсь своихъ мертвецовъ, въ баснословное время Любуши и ея дочерей.

Если не довѣрять этой цифрѣ, все же нужно согласиться съ мнѣніемъ евреевъ, что это есть самое древнее мѣсто водворенія и первая еврейская община въ Европѣ.

Молча проходитъ еврейскій проводникъ съ любопытнымъ иностранцемъ мимо одного мѣста, гдѣ подъ старымъ кустарникомъ сирени, между развалившимися камнями, выдается груда булыжника, и когда путникъ спрашиваетъ его:—что это?—онъ даетъ уклончивый отвѣтъ...

Бетъ-Хаимъ — домъ жизни! такъ называется кладбище. Да, дѣйствительно это мѣсто покоя есть домъ жизни, потому что отсюда дается таинственный импульсъ, дѣлающій изгнанныхъ повелителями земли и тиранами народовъ,—импульсъ, направляющій золотаго тельца къ избранному племени.

Іудейскій городокъ принялъ праздничный видъ. Лотки съ мелочными товарами исчезли; еврейскіе мальчишки и дѣвушки разгуливали въ праздничныхъ нарядахъ. Дома и окна были украшены зелеными вѣтвями. На прадѣдовской каменной скамьѣ сидѣли мужчины, серьезно разговаривая; по аллеямъ болтала молодежь. Время отъ времени проходили въ синагогу мужчины и женщины въ лучшихъ субботнихъ платьяхъ, съ молитвенниками въ рукахъ; а бѣдныя христіанскія женщины, которыхъ нужда заставила служить въ этомъ кварталѣ, бѣжали съ ключами и посудой, чтобы приготовить пиршество.

Былъ послѣдній день праздника кущей, день соединенія, и вечерніе сумерки уже почти спустились на узкія улицы, въ то время какъ христіанскій городъ былъ еще ярко освѣщенъ послѣдними лучами заходящаго солнца.

Два человѣка, одинъ постарше, въ черной шелковой

мантіи, съ длинными пейсами, показывавшими въ немъ польскаго еврея, другой среднихъ лѣтъ, въ свѣтскомъ новомодномъ платьѣ съ брильянтовыми запонками на рубашкѣ и толстой золотой цѣпью на жилетѣ, шли по узкимъ улицамъ, не обращая никакого вниманія на толпу.

Младшій, казалось, былъ проводникомъ; дойдя съ своимъ спутникомъ до маленькаго домика, въ которомъ жилъ привратникъ кладбища, онъ постучалъ въ закрытую лавочку, сквозь щели которой виднѣлся яркій свѣтъ отъ восковыхъ свѣчей, доказывавшій праздничное настроеніе сторожа. Лѣто было хорошо: множество иностранцевъ посѣтили кладбище, и нескупились давать на чай.

Въ дверяхъ показалось худощавое лицо привратника, близорукіе глаза котораго стали внимательно всматриваться въ темноту.

— Выйди на улицу, Іоель, — съ тобой хотятъ поговорить!

— Боже праведный, сказалъ съ изумленіемъ сторожъ. выходя за дверь: — это одинъ изъ старшинъ! Что угодно вамъ приказать?

— Вотъ этотъ раввинъ желаетъ совершить короткую молитву на кладбищѣ; завтра утромъ онъ уѣзжаетъ съ поѣздомъ!

— На кладбищѣ? Сегодня вечеромъ? Но вѣдь вы сами знаете, господинъ банкиръ, что мнѣ запрещено отворять послѣ солнечнаго заката, а сегодня къ тому же священный шабашъ.

— Прежде всего, тебѣ незачѣмъ кричать здѣсь о моемъ званіи, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ банкиръ. Каждый ветошникъ еврей будетъ знать, что банкиръ Розенбергъ былъ у тебя. Что же касается позволенія отворить, то я мъ, какъ старшина, даю тебѣ его. Я подожду здѣсь, ка онъ не окончитъ молитвы. Общество, находящееся у тебя, не должно знать, что мы тутъ дѣлаемъ; устрой какъ нибудь, чтобы любопытный народъ не бросался сюда.

Привратникъ скрылся въ домъ; но тотчасъ же воротился со связкой ключей и отворилъ ворота кладбища. Онъ взялъ съ собой фонарь и хотѣлъ зажечь его.

— Оставь! сказалъ тихимъ голосомъ раввинъ: — мнѣ не нужно огня. Запри ворота извнутри!

— Но, господинъ фонъ-Розенбергъ....

— Запри, говорю я тебѣ!

Привратникъ повиновался.

— Теперь проводи меня къ могилѣ святаго раввина Симеона-бенъ-Іехуда.

— Держитесь за мое платье, уважаемый господинъ, сказалъ привратникъ: — теперь темно и вы можете споткнуться объ старыя могилы.

— Я вижу ночью лучше, чѣмъ днемъ, сынъ мой! отвѣчалъ польскій ученый еврей.

— Вотъ могила!

Старикъ раввинъ благоговѣйно приложился къ надгробной плитѣ. Сторожъ слышалъ, какъ онъ произносилъ молитву па еврейскомъ языкѣ. Но къ ней примѣшивалъ такъ много древне-еврейскихъ, или какихъ-то другихъ, на непонятномъ ему нарѣчіи, словъ, что онъ понялъ только нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, хотя въ прежнее время и былъ учителемъ богемской общины.

Окончивъ молитву, чужеземецъ обратился къ сторожу кладбища.

— Когда ты принималъ должность отъ твоего предшественника, не передалъ ли онъ тебѣ одного приказанія?

— Мнѣ?

— Да, тебѣ! потому что такъ было съ того дня, какъ первый усопшій былъ погребенъ на этомъ мѣстѣ.

— Ну, а если бы это и было такъ, — какое вамъ до этого дѣло? Меня первый разъ спрашиваютъ объ этомъ, съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь служу.

— Потому что это случается разъ въ 100 лѣтъ, а человѣческая жизнь рѣдко бываетъ такъ продолжительна.

— Я вижу, вы знаете объ этомъ, равви, сказалъ боязливо привратникъ: — но я могу послушать васъ только въ томъ случаѣ, если вы скажете слово, которое мнѣ было передано предшественникомъ, потому что я далъ священную клятву надъ пятикнижіемъ.

Польскій еврей наклонился и медленно произнесъ семисложное слово.

Привратникъ почтительно поклонился.

— Вы господинъ равви! сказалъ онъ: — все будетъ исполнено, какъ вы прикажете.

— Ты отошлешь друзей, празднующихъ въ твоемъ домѣ, прежде чѣмъ часы пробьютъ одинадцать. Когда прозвучитъ первый ударъ, ты отворишь ворота кладбища; а при послѣднемъ, ты скроешься въ твоемъ домѣ, запрешь двери и окна, ляжешь въ постель и превратишься въ трупъ со всѣми твоими домочадцами, — въ трупъ, который ничего не видитъ и не слышитъ.

— Я не буду ни глядѣть, ни слушать!

— Ангелъ смерти оставитъ твою душу въ тѣлѣ и заставитъ тебя блуждать между могилами до окончанія вѣковъ, если ты въ точности не исполнишь моихъ приказаній: — теперь ступай, и подумай о томъ, что ты, по своей должности, служитель великой Іерусалимской синагоги. Мнѣ не нужно тебѣ говорить о томъ, чтобъ ты ничего не говорилъ тому тщеславному, мірскому человѣку, который привелъ меня сюда.

Они оба пошли назадъ къ воротамъ, около которыхъ банкиръ все еще стоялъ на часахъ.

— Ну, сказалъ онъ: — ваше желаніе исполнено, равви, и вы можете сообщить моему товарищу въ Варшавѣ, что Розенбергъ и сынъ всегда готовы оказать услугу гостю, рекомендованному такимъ лицемъ. Теперь пойдемъ домой; моя жена ждетъ насъ.

— Пойдемъ, сынъ мой, отвѣчалъ раввинъ: — но уволь меня отъ суетныхъ удовольствій. Я проведу ночь въ молитвѣ!

Банкиръ пожалъ плечами и протянулъ золотую монету привратнику.

— Іоель, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, прочіе старшины общины не должны знать о нарушеніи предписанія.

Привратникъ кивнулъ головой, и путники снова исчезли въ темныхъ улицахъ, которыя уже мало по малу пустѣли, тогда какъ въ домахъ раздавался веселый говоръ и звуки праздничнаго пиршества.

Какъ бѣдно, грязно и темно выглядывали эти домики снаружи; но не то было внутри! Въ заднихъ комнатахъ многихъ изъ нихъ яркій свѣтъ многочисленныхъ восковыхъ свѣчей отражался въ великолѣпныхъ высокихъ зеркалахъ, драгоцѣнной серебряной посудѣ и дорогихъ коврахъ. Дѣвушки и женщины, которыя по-утру, можетъ быть, ходили съ лоткомъ на рукѣ, сидѣли теперь за столомъ въ тяжелыхъ шелковыхъ платьяхъ съ золотыми цѣпочками и браслетами; на нихъ яркимъ огнемъ блистали алмазы и брильянты.

Кто не знаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не слышалъ о великолѣпномъ пражскомъ мостѣ, который ведетъ съ Альтштадта въ нынѣшній городъ?

Этотъ мостъ укрѣпленъ на 16-ти сваяхъ и тянется на 150 футовъ черезъ клокочущую внизу Молдаву.

Императоръ Карлъ IV, которому старый Богемскій городъ обязанъ своимъ блескомъ, положилъ 9-го іюля 1358 года основаніе этому мосту; но онъ былъ оконченъ только 150 лѣтъ спустя, при Вратиславѣ II.

Какія событія, какую славу и сколько крови видѣлъ

этотъ славный мостъ, который 500 лѣтъ стоитъ невредимъ, на перекоръ времени, бурямъ, волнамъ и ядрамъ.

Съ этого моста король Венцель сбросилъ въ рѣку святаго Непомука за то, что тотъ не хотѣлъ открыть грѣховъ Богемской королевы.

Здѣсь Гуссъ пришелъ въ Граджину съ своими учениками, вѣря Сигизмунду, который послалъ его на костеръ въ Костницѣ и тѣмъ сдержалъ свое императорское слово! Здѣсь дикій Циска сломалъ ногу, Георгъ Подибрадъ шелъ за короной, а Лудвигъ Ягеллонъ — за смертью, въ битву съ мусульманами. Максимиліянъ II, послѣдній рыцарь, гордо смотрѣлъ здѣсь на свою прекрасную Прагу, а слабый Рудольфъ, фигляръ и астрологъ, проклялъ изъ Граджины неблагодарный городъ, который отдалъ украденную корону его брату, Матіасу Корвинусу. 23-го мая 1618 г. старыя уже плиты смотрѣли, какъ Богемскія сословія выбросили изъ оконъ императорскихъ чиновниковъ — Мартиница и Славату, и тѣмъ начали кровавую религіозную войну съ Австріей — войну, 30 лѣтъ раззорявшую Германію. Какъ часто проѣзжалъ по этому мосту конь гордаго владѣльца! цѣлыя недѣли напрасно летали по немъ шведскія пули, метя въ башню въ Альтенштатѣ, защищаемую студентами и бюргерами, — башню, на которой потомъ цѣлыхъ десять лѣтъ торчали головы защитниковъ, заплатившихъ эшафотомъ за свое мужество и вѣрность королю, пораженныхъ при Бѣлой горѣ 8-го ноября 1620 года.

И снова мостъ увидѣлъ императорскій поѣздъ баварскаго Альберта, который былъ введенъ въ Прагу, во время войны за наслѣдство, врагомъ нѣмцевъ, французомъ, и короновался тутъ подъ именемъ Карла VII. Потомъ пришли въ первый разъ пруссаки (1744 г.), а 13-ть лѣтъ спустя пушки великаго Фридриха бросили въ городъ 90.000 ядеръ.

Въ наше время мостъ снова увидѣлъ кровь. Въ недѣлю

пятидесятницы 1848 года дикое возмущеніе строило баррикады у башни на мосту Альтштадта, а пули князя Виндишгреца громили городъ и мстили за смерть княгини.

Конечно, не многіе предметы имѣютъ столько воспоминаній.

Многолюдная толпа, всегда оживлявшая своимъ присутствіемъ это прекрасное мѣсто Богеміи, наполняла и въ этотъ вечеръ гранитные тротуары и выступы арокъ, уставленные скамьями и каменными статуями. Длинныя пестрыя вереницы бюргеровъ, солдатъ, иностранцевъ, земледѣльцевъ, священниковъ и рабочихъ, тянулись по мосту черезъ рѣку, желая насладиться прекраснымъ вечеромъ въ роскошномъ саду на берегу Молдавы.

Часы на городской башнѣ пробили десять. Въ часовнѣ, гдѣ стояла статуя св. Непомука, сидѣлъ на каменной скамьѣ человѣкъ большаго роста, съ блѣднымъ серьезнымъ лицомъ германскаго типа. Всякій физіономистъ, взглянувъ на него, сказалъ бы, что этотъ человѣкъ посвятилъ свою молодость серьезнымъ научнымъ занятіямъ и много безсонныхъ ночей провелъ за книгами.

Едва пробило десять часовъ, какъ на мостъ взошелъ человѣкъ въ легкомъ лѣтнемъ пальто, одних повидимому лѣтъ съ молодымъ ученымъ; лицо его было блѣдно — восковаго цвѣта, безъ малѣйшаго румянца; особенно выдающійся носъ изобличалъ въ немъ іудейское происхожденіе; лобъ высокій и большой, голова сильно развита...... Онъ прямо подошелъ къ поджидавшему, который быстро приподнялся.

— Здравствуйте. Я вижу, вы получили мое письмо. Оно съ вами?

— Да; я знаю его на изустъ, такъ часто я читалъ его. «Мой другъ» написано тамъ: «я обѣщалъ вамъ дать ключь къ Каббалѣ, если найду къ тому случай. Хоть я и не всегда имѣю обыкновеніе исполнять данныя клятвы, но эту я готовъ сдержать, если вы подождете меня 8-го ок

бря вечеромъ въ Прагѣ на старомъ Молдавскомъ мосту подъ статуей Непомука. Затѣмъ идетъ ваше имя.

— Да, это вѣрно. Вы еще неотказались отъ прежняго желанія?

— Менѣе, чѣмъ когда либо! Вы окажете наукѣ неоцѣнимую услугу.

— Послушайте, докторъ, наклонитесь немного черезъ перила; то, о чемъ мы будемъ говорить, не должны слышать даже волны Молдавы, если мы хотимъ остаться живыми.

Молодой ученый посмотрѣлъ съ изумленіемъ на своего товарища, однако послѣдовалъ его желанію.

Когда я въ Римѣ, три года тому назадъ, обѣщалъ познакомить васъ съ таинствами Каббалы, я это сдѣлалъ болѣе для того, чтобъ похвастаться силой и властью, которыми въ дѣйствительности я не обладалъ. Хотя я и занимался нѣкоторое время, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ любви къ наукѣ, преданіями моего народа; но я отлично зналъ, что едва могу проникнуть въ преддверіе тѣхъ таинствъ, которыя и теперь еще считаю софизмами и мошенничествомъ экзальтированныхъ умовъ, изобрѣтенными для того, чтобъ держать въ страхѣ и повиновеніи глупцовъ. Нѣкоторыя случайныя открытія, сдѣланныя мною съ тѣхъ поръ, измѣнили мое мнѣніе и возбудили во мнѣ любопытство.

Вы знаете, несморя на наше недолгое знакомство, что я не такой человѣкъ, чтобъ бросить найденный слѣдъ, или задуманный планъ. Что заставило меня сдѣлать васъ участникомъ удовлетворенія моего любопытства, — это васъ не касается. Довольно того, что теперь представился случай исполнить наше общее желаніе, и все зависитъ отъ того, согласитесь ли вы принять условія, на которыхъ я васъ могу сдѣлать участникомъ моего изслѣдованія.

— Если они непротивны чести и совѣсти.

— Въ этомъ отношеніи вамъ нечѣмъ рисковать, скорѣе въ другомъ — въ жизни. Чувствуете ли вы себя способнымъ идти на встрѣчу серьезной опасности?

— Ради науки, да!

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я вамъ долженъ сказать, что поведу васъ на мѣсто, откуда мы не выберемся живыми, если присутствіе наше будетъ открыто; малѣйшее подозрѣніе, что мы были непрошенными свидѣтелями тайны, навлечетъ на насъ преслѣдованіе, которое рано или поздно погубитъ насъ.

— Вы подстрекаете мое любопытство, сеньоръ!

— Это одно, что я вамъ хотѣлъ сказать. Другое — вы знаете, что я по происхожденію еврей. Меня хотя евреи и изгнали и прокляли со всѣми глупыми церемоніями, предписываемыми имъ обычаемъ и преданіями, за то, что я принялъ Христіанство, однако я имѣю свои причины поставить вамъ условіемъ — ваше честное слово въ томъ, что вы будете молчать обо всемъ, что увидите и услышите, пока я не возвращу вамъ вашего слова.

— Клянусь честью!

— Прекрасно. Вы припоминаете изъ вашихъ изслѣдованій о Каббалѣ, что въ таинственныхъ книгахъ упоминается о встрѣчѣ главъ или избранныхъ отъ народа,— встрѣчѣ, которая повторяется время отъ времени?

— Да, въ Іецирѣ говорится объ этомъ очень опредѣленно, и, если я вѣрно понялъ, подобныя встрѣчи бываютъ каждыя 100 лѣтъ.

— Такъ. Послѣдняя была въ 1760 году и вы припоминаете, что вскорѣ послѣ этого произошло движеніе Іудейства. Теперь идетъ 1787 годъ послѣ разрушенія Іерусалима, и этотъ годъ назначенъ для встрѣчи каббалистическаго Санхедрина. Сегодня—день встрѣчи; мѣсто— этотъ городъ. Я хочу, не смотря на опасность присутствовать при встрѣчѣ и готовъ взять васъ съ собой.

— Но не будетъ ли это безчестнымъ подслушива-

ніемъ, противозаконнымъ вмѣшательствомъ въ чужія тайны?

— Per Bacco! какъ говоримъ мы, итальянцы: съ подобными сомнѣніями вы должны бросить навсегда мысль объ исполненіи вашего желанія. Или вы думаете, что люди, охраняющіе тайну Каббалы, преподнесутъ вамъ ее на подносѣ?... Что касается меня, я ее узнаю, во чтобы то ни стало!

Подумавъ нѣсколько минутъ, ученый рѣшился: — Я пойду съ вами, чтобы изъ этого ни вышло.

— Хорошо. Теперь мы условились. Пойдемъ,—времени терять нельзя.

На башнѣ ратуши пробило одинадцать. При первомъ ударѣ ключь заскрипѣлъ въ замкѣ у воротъ кладбища. Глубокая тишина послѣдовала за этимъ звукомъ, извѣщавшимъ о томъ, что кладбище открыто. Оба спутника сидѣли близко одинъ около другаго, въ углубленіи, между двумя памятниками, прикрытыми терновымъ кустарникомъ, невдалекѣ отъ каменнаго возвышенія, образовавшаго могилу раввина Симсона Бенъ-Іехуда. Въ еврейскихъ домахъ, вокругъ кладбища, огни постепенно угасали, а съ ними вмѣстѣ замирали и звуки веселаго празднества.

Таинственная тишина водворилась въ этомъ страшномъ мѣстѣ. Товарищи ясно услышали, какъ часы ударили двѣ первыя четверти.

Ворота тихо заскрипѣли; послышался шорохъ длинныхъ платьевъ, задѣвавшихъ за камни и кустарники; наконецъ, появилась бѣлая неопредѣленная фигура и проскользнула, какъ тѣнь, по дорожкамъ.

Эта фигура встала на колѣни передъ однимъ изъ памятниковъ; три раза прикоснулась лбомъ къ камню и тихо прошептала молитву.

Нѣмецъ понялъ, что слова, которыя она произносила, были на халдейскомъ языкѣ, но онъ не имѣлъ времени

подумать объ этомъ. По дорогѣ изъ воротъ, шелъ старый сгорбленный человѣкъ, хромая, охая и кашляя; онъ подошелъ къ стариннымъ памятникамъ и опустился на колѣни около бѣлой фигуры, вошедшей раньше его, и тоже зашепталъ молитву.

И опять послышались тяжелые шаги, и на дорогѣ появилась высокая, видная фигура, въ бѣлой развѣвающейся мантіи, и какъ бы невольно упала на колѣни около памятника.

Тринадцать разъ повторялось такое же шествіе; тринадцать старцевъ подошли къ памятнику. Докторъ сосчиталъ ихъ, но онъ не могъ понять — были ли это живые, или мертвые. Дрожь пробѣжала у него по спинѣ, сердце его сильно забилось отъ ужаса. Невольно вспомнилось ему страшное преданіе о днѣ примиренія въ десятомъ мѣсяцѣ, Тишри, въ синагогѣ Познани, когда, во время молитвы, Коль-Нидри, собраніе все увеличивалось и увеличивалось; неизвѣстные люди, толкая одинъ другаго, завернувшись молитвеннымъ плащемъ, приходили сотня за сотней, пока устрашенный раввинъ не поднялъ рукъ для заклинанья и не воскликнулъ: «У коко есть мясо на щекахъ, тотъ да откинетъ талетъ!» Сотни остались покрытыми и, когда съ нихъ сдернули плащи, всѣ увидѣли черепа мертвецовъ, которые вышли изъ могилъ, чтобы праздновать день съ остальной общиной.

Какъ тамъ, ему вообразилось, что талеты спадаютъ съ головъ молящихся и открывается цѣлый рядъ мертвыхъ череповъ. Въ эту минуту часы пробили двѣнадцать. На могилѣ раздался рѣзкій металлическій звукъ, послѣ котораго вспыхнулъ голубой огонь и освѣтилъ тринадцать фигуръ, стоящихъ на колѣняхъ.

— Привѣтствую васъ, Роше-Бате-Аботъ (главы) двѣнадцати колѣнъ израильскихъ, произнесъ глухой голосъ.

— Привѣтствуемъ тебя, сынъ проклятаго.

— Сто лѣтъ уже прошло. Откуда пришли Незіимы (князья колѣнъ)?

— Изъ странъ, въ которыхъ народъ Адонаи разсѣянъ завѣщаніями праотцевъ.

— Приготовлены ли вы исполнить обѣтованіе въ наступающее столѣтіе?

— Мы готовы!

— Такъ скажите, чьи вы представители и откуда? Колѣно Іуды?

— Амстердамъ, отвѣчалъ сильный и громкій голосъ.

— Колѣно Веніамина?

— Толедо! прозвучало глухо.

— Колѣно Левіино?

— Вормсъ!

— Колѣно Манассіино?

— Буда-Пештъ!

— Колѣно Гадово?

— Краковъ!

— Колѣно Симеоново?

— Римъ!

— Колѣно Завулона?

— Лиссабонъ!

— Колѣно Рувима?

— Парижъ!

— Колѣно Даново?

— Константинополь!

— Колѣно Асирово?

— Лондонъ!

— Колѣно Иссахара?

Сидѣвшіе за кустарникомъ не могли разслышать отвѣта, такъ какъ онъ былъ произнесенъ слабымъ хриплымъ голосомъ.

— Колѣно Нефѳалимово?

— Прага!

— А я представитель несчастныхъ и скитальцевъ, заго-

ворилъ спрашивающій глухимъ голосомъ:—я самъ скитаюсь по всему свѣту, чтобъ соединить васъ для дѣла искупленія, которое обѣтовано было сѣмени Авраамову и отнято у него сыновьями Распятаго! Кто здѣсь изъ дому Аарона, пусть встанетъ, испытаетъ родоначальниковъ и соберетъ совѣтъ.

Человѣкъ, пришедшій первымъ, всталъ и присѣлъ на памятникъ. Одинъ за другимъ подходили къ нему остальные и шептали на ухо семисложное слово, сказанное вечеромъ сторожу, и каждый разъ онъ качалъ головой въ знакъ согласія. Послѣ этого всѣ заняли прежнія мѣста.

— Братья, сказалъ Левитъ:—наши отцы заключили союзъ, обязывающій всѣхъ избранныхъ отъ колѣнъ каждое столѣтіе собираться у могилы великаго учителя Каббалы, ученіе котораго даетъ избраннымъ могущество на землѣ и владычество надъ всѣми родами потомства Измаила. Тысяча восемьсотъ лѣтъ ведется борьба народомъ Израильскимъ за владычество, обѣщанное Аврааму и отнятое у насъ Крестомъ. Попираемый ногами нашихъ враговъ, подъ страхомъ смерти и всякаго униженія и насилія, народъ Израилевъ все таки не прекращалъ этой борьбы, и такъ какъ онъ разсѣянъ по всей землѣ, то ему и должна принадлежать вся земля! Наши ученые мужи ведутъ борьбу сотни лѣтъ; народъ постепенно поднимается отъ своего паденія, могущество его увеличивается и распространяется. Намъ принадлежитъ земной богъ, котораго съ такою горестью сдѣлалъ намъ Ааронъ въ пустынѣ,-этотъ золотой телецъ, которому покланяются отступники!

— Мы слышимъ! шептали кругомъ.

— Когда все золото на землѣ будетъ наше, власть перейдетъ къ намъ. Тогда исполнится обѣтованіе, данное Аврааму. Золото—властитель земли. Оно-сила, возмездіе, наслажденіе—все, чего люди боятся и желаютъ. Вотъ тайна Каббалы—ученія о духѣ, управляющемъ міромъ, и о будущемъ! 18 столѣтій принадлежали нашимъ врагамъ,

слѣдующее принадлежитъ намъ. Въ пятый разъ собираются на этомъ мѣстѣ, во время тысячелѣтней борьбы, которой мы себя посвятили, тѣ, которые знаютъ о существованіи тайнаго союза, чтобы держатъ совѣтъ о средствахъ, которыя намъ представляютъ грѣхи нашихъ враговъ, и каждый разъ новый Санхедринъ, вотъ уже пятьсотъ лѣтъ, завѣщаетъ сильнѣйшую борьбу. Но ни одно столѣтіе не ознаменовалось такими успѣхами (кромѣ Россіи). какъ это. Поэтому мы можемъ думать, что время, къ которому мы стремимся, уже близко, и что мы уже можемъ сказать: будущность наша!

— Да, если въ это время не случится гоненія на Іудеевъ! сказалъ съ горькой усмѣшкой одинъ изъ присутствующихъ.

— Мрачныя времена такой опасности уже миновали. Успѣхи такъ называемой цивилизаціи между Христіанскими народами, могутъ служить наилучшей защитой нашихъ стремленій... Прежде чѣмъ слышать отдѣльныя мнѣнія, разсмотримъ матеріальныя средства нашего народа, чистый капиталъ, которымъ владѣетъ народъ Израильскій. Назовите самыхъ богатыхъ изъ нашего народа на семи Европейскихъ рынкахъ. Начните съ Парижа?

— Фульдъ и компанія, отвѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ:— 20 милліоновъ франковъ; А. Г. Стернъ и комп. 30 милліоновъ франковъ; Г. Л. Гальпенъ и комп.—20 милліоновъ; Антонъ Шнапперъ—15 милліоновъ; Самуилъ фонъ-Габеръ—7 милліоновъ; Х. И. Рейнахъ—7 мил.; Г. Е. Каннъ и комп. 5 милліоновъ; Бишовсгеймъ, Гольдшмидтъ и компанія — 15 милліоновъ; М. Коганъ и Данверсъ—5 милліоновъ. Вся сумма—124 милліона франковъ. Если прибавить къ этому мелкихъ торговцевъ, имѣющихъ около 80 милліоновъ, то капиталъ въ рукахъ евреевъ въ Парижѣ—болѣе 200 милліоновъ франковъ.

— Это сорокъ седьмая доля государственнаго долга

Франціи, сказалъ странникъ:—Перейра и Миресъ принадлежатъ къ нашимъ; они владѣютъ 30-ю милліонами.

— Дальше, донесеніе объ Лондонѣ?

— Моисей Монтефіоре — 2 милліона фунтовъ; Моисей и сынъ, Бишовсгеймъ, Гольдшмидтъ и братья Штернъ— каждый по милліону; Р. Рафаель и сынъ 800,000; Луи Коганъ и сынъ, Самуилъ Монтагу — каждый по 500,000 фунтовъ. Меньшіе торговые дома Сити болѣе 4 милліоновъ,— вмѣстѣ 11 милліоновъ фунтовъ, или 260 милліоновъ франковъ, въ Лондонѣ.

— Я замѣчаю, что вы пропускаете князей биржи—Ротшильдовъ?

— Объ нихъ будутъ говорить отдѣльно, пояснилъ Левитъ. Докладъ о Вѣнѣ?

— Морицъ Кенигсвартеръ—14 милліоновъ гульденовъ, докладывалъ третій голосъ; Германнъ Тодеско —15 милліоновъ; М. Л. Бидерманъ и компанія, Максъ Шпрингеръ, Ефрусси и компанія и Эдуардъ Винеръ—каждый по полутора милліона; Людвигъ Ладенбургъ — 2, Фр. Шей—2½, Леопольдъ Епштейнъ—3 милліона. Всѣ вмѣстѣ 46½ милліоновъ; мелкіе торговые дома—14 милліоновъ; итого 61 милліонъ гульденовъ, или 152 милліона франковъ.

— Австрійскія деньги дешевы! 2,268 милліоновъ государственнаго долга, при банкротствѣ имущество нашихъ капиталистовъ удвоится.

— Берлинъ?

— С. Блейхродеръ, Мендельсонъ и компанія, Х. Ц. Блаутъ и С. Герцъ—каждый-по милліону талеровъ; Н. Рейхенгеймъ и сынъ, Либерманнъ и компанія — каждый по 2 милліона; Германнъ Гирзонъ и М. Э. Леви—каждый по 1½ милліона, Іоель Мейеръ — 1¼, Морицъ Гютербокъ ¾, Луи Рисъ и компанія ½ милліона. Всего 13½ мил. талеровъ. Мелкіе торговые дома — 10 милліонов итого около 24 милліоновъ талеровъ, или 90 милліонов франковъ.

— Слѣдовательно, двѣнадцатая часть городскаго долга въ нашихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе сумма не велика, желательно было бы, чтобы отношеніе измѣнилось.

— Донесеніе о Гамбургѣ?

— Г. Б. Оппенгеймеръ — 4 мил.; І. Е. Оппенгеймеръ, братья Яффе, Пинтусъ Натанъ сынъ,—каждый по 2 милліона марокъ; Беренсъ сыновья—1½, Фердинандъ Якобсонъ, Самуилъ Леви съ сыновьями, Л. П. Вейтъ и компанія, Александръ, Кенигсвартеръ, М. М. Варбургъ, консулъ Х. Іонасъ и компанія, Юліусъ Лезеръ, Мартинъ Френкель—каждый по милліону; Мендельсонъ Бартольди—3 милліона марокъ. Въ Альтонѣ:—Амзель, Яковъ Рее—1; Гессенъ Нейманнъ—1; В. С. Варбургъ—2 милліона; и того 27½ милліоновъ. А если считать мелкіе дома, то сумма выйдетъ въ 40 милліоневъ марокъ, или 75 мил. франковъ. Къ несчастію, богатство Христіанъ больше, и наши люди не могутъ поровняться съ ними въ этомъ богатомъ городѣ.

— Франкфуртъ на Майнѣ?

В. Х. Гольдшмидтъ—7 милліоновъ гульденовъ; Маркусъ Кенигсгартеръ, Яковъ Штернъ и братья Зильцбахъ—каждый по 2 милліона; Лазарь Шпейеръ—1½; Моисей Конъ и компанія—1 милліонъ. Мелкіе собственники и коллекторы—около 8 милліоновъ. Потомъ князья капитала, соединенные дома Ротшильда въ Лондонѣ, Парижѣ, Франкфуртѣ и Вѣнѣ владѣютъ, по меньшей мѣрѣ, 100 милліонами. Все вмѣстѣ составитъ 123 милліона гульденовъ, или 260 милліоновъ франковъ.

— Домъ Е. Гинцбурга въ Петербургѣ владѣетъ 2 мил. рублей; наши дома въ Римѣ и Неаполѣ—около 20 мил. ливръ; въ Амстердамѣ: Голландеръ и Левенъ, Липманнъ, Розенталь и компанія, Бехеръ и Фульдъ, Верпе Геймъ и Гомперцъ—40 милліоновъ гульденовъ. Если мы сочтемъ все вмѣстѣ, то увидимъ, что извѣстное имущество евреевъ въ десяти столицахъ достигаетъ 1165

милліоновъ франковъ. Прибавьте города втораго разряда!.. Братья, мы можемъ допустить, что, не считая народа, одни еврейскіе капиталисты владѣютъ въ Европѣ въ настоящее время капиталомъ около 2,000 милліоновъ франковъ!

— Шопотъ одобренія двѣнадцати былъ отвѣтомъ на эти слова.

— Это составитъ на $3^1/_2$ милліона евреевъ въ Европѣ 600 франковъ на каждаго, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ. Но этимъ $3^1/_2$ милліонамъ евреевъ съ ихъ деньгами противустоятъ 265 милліоновъ враговъ въ Европѣ, или 500 милліоновъ кулаковъ.

— Голова защититъ отъ кулаковъ, какъ это было до сихъ поръ. Работа-рабыня спекуляціи, а насиліе—слуга разума. Кто будетъ отрицать, что хитрость есть отличительная черта нашего народа?

— Народъ нашъ тщеславенъ и алченъ, высокомѣренъ и любитъ наслажденія.

— Гдѣ есть свѣтъ, тамъ есть и тѣнь. Недаромъ же Адонаи, нашъ Господь, далъ своему избранному народу: живучесть змѣи, хитрость лисицы, взглядъ сокола, память собаки, трудолюбіе муравья, и общительность бобра. Мы были въ плѣну на рѣкахъ вавилонскихъ, и сдѣлались могущественны! Нашъ храмъ разрушили, а мы построили тысячу новыхъ! Тысячу восемсотъ лѣтъ мы находились въ рабствѣ; теперь же мы головой переросли всѣ націи...

Всѣ двѣнадцать произнесли заключеніе. Докторъ чувствовалъ, какъ рука итальянца все крѣпче и крѣпче сжимала его руку...

— Братья! сказалъ Левитъ:—настало время, когда мы, по закону основателя нашего союза, должны опредѣлить тѣ средства, которыми евреи скорѣе всего могутъ достигнуть своей цѣли; наша столѣтняя опытность поможетъ намъ въ этомъ. Мы, знающіе, должны направлять и руководить массой, которая слѣпа. Мы, строители, со-

единимъ мертвые камни для столба, который долженъ — дойти до неба.

— Вавилонскій столбъ былъ разрушенъ рукой Того, Чье имя я не смѣю произнести, сказалъ скептикъ.

— Наше строеніе стоитъ на почвѣ обѣтованія Авраама!... За тобой слово, представитель колѣна Рувимова! Какими средствами достигнетъ еврейскій народъ могущества и владычества надъ всѣми народами на землѣ?

Рѣзкій, непріятно-звучащій голосъ произнесъ слѣдующее:

— Всѣ князья и страны Европы въ настоящее время въ долгу. Биржа регулируетъ эти долги. Но такія дѣла дѣлаются только движимымъ капиталомъ; поэтому весь движимый капиталъ долженъ перейти въ руки евреевъ. Основаніе этому уже положено, судя потому, что мы только что слышали. Если мы будемъ владычествовать на биржѣ, мы достигнемъ того же и въ государствахъ. Поэтому нужно облегчить займы, чтобы все больше и дальше забирать ихъ въ руки. Гдѣ возможно,—за капиталъ должно брать въ залогъ желѣзныя дороги, подать, рудники, регаліи и домены. Далѣе, биржа есть средство для перевода въ руки капиталистовъ имуществъ маленькихъ людей, привлеченіемъ ихъ къ биржевой игрѣ. Покупка бумагъ есть отличное изобрѣтеніе нашего народа. Хотя биржевики и обманываютъ иногда другъ друга; но, на послѣдокъ, все таки платится посторонній.

Голосъ, который часто раздавался на Парижской биржѣ, замолчалъ.

— Секеипмы согласны съ мнѣніемъ брата? спросилъ Левитъ.

Шопотъ одобренія былъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

— Представитель колѣна Симеона, за вами слово!

Серьезный, глухой голосъ раздался послѣ этаго приказанія. Каждое слово произносилось медленно и обдуманно.

— Владѣніе землею всегда остается желѣзнымъ долговѣчнымъ достояніемъ каждой страны. Оно само по себѣ даетъ могущество, уваженіе и вліяніе. Поэтому евреи должны достигнуть возможности пріобрѣтать поземельную собственность. Это будетъ не трудно сдѣлать, если мы пріобрѣтемъ движимый капиталъ. Поэтому нужно облегчить займы подъ землю. Подъ страхомъ скандала мы разрушимъ земельное богатство и уменьшимъ его значеніе. Владѣніе землею должно быть мобилизировано, если земли будутъ продаваться, какъ товаръ. Чѣмъ больше мы будемъ вліять на раздробленіе помѣстій, тѣмъ легче они попадутъ въ наши руки. Подъ предлогомъ облегченія бѣдныхъ классовъ, нужно всѣ налоги государства и общинъ возложить на землевладѣльцевъ. Когда земля будетъ въ нашихъ рукахъ, трудъ Христіанскихъ работниковъ и землепашцевъ будетъ намъ давать десятеричный доходъ.

Неимѣющій племени насмѣшливо засмѣялся.

— Совѣтъ хорошъ, но не новъ. Спросите въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, кто владѣетъ домами?!

Кругомъ снова раздался шопотъ одобренія общества.

— Колѣно Іудино, ваша очередь!

Раздавшійся голосъ отличался убѣдительностью, и напомнилъ о звукѣ талера.

— Промышленность, сила бюргерства, мѣшающаго израильскому народу, должна быть парализована также, какъ и землевладѣніе. Промышленникъ долженъ быть не что иное, какъ простой работникъ. Средствомъ къ этому можетъ быть неограниченная свобода ремесла. Фабрикантъ встанетъ на мѣсто мастера, такъ какъ ему самому не приходится работать, а только спекулировать. Дѣти Израиля могутъ пристроиться ко всѣмъ отраслямъ работы. Ихъ капиталъ и проворство замѣнятъ право. Превративъ мастеровыхъ въ нашихъ фабричныхъ рабочихъ, мы получимъ возможность направлять массу къ нашимъ по-

литическимъ цѣлямъ. Кто будетъ противодѣйствовать этой системѣ, будетъ уничтоженъ конкуренціей! Безсмысленная и неблагодарная масса не поддержитъ мастеровыхъ въ этой борьбѣ, если товары при этомъ нѣсколько подешевѣютъ.

Шумное одобреніе новаго синедріона показало, что справедливость этого совѣта была уже давно оцѣнена и даже приложена къ дѣлу.

— Теперь моя очередь, сказалъ Левитъ:—я говорю отъ имени колѣна Аарона. Естественный противникъ евреевъ—Христіанская церковь. Потому мы должны стараться ее унизить, мы должны поселить въ ней вольнодумство, скептицизмъ, невѣріе и распри. По этому поднимемъ въ началѣ войну противъ духовенства, навлечемъ на него подозрѣніе и насмѣшки. Главное подспорье Церкви—школа. Поэтому мы должны достигнуть вліянія на молодежь. Подъ покровомъ прогресса и равноправія всѣхъ религій, уничтожимъ изученіе религіи въ христіанскихъ школахъ. Тогда евреи могутъ сдѣлаться учителями во всѣхъ школахъ; тогда религіи будутъ обучаться дома. А такъ какъ дома на это мало времени, то религіозный духъ будетъ постепенно падать, и наконецъ совсѣмъ уничтожится. Агитація за отчужденіе собственности отъ церквей и отъ школъ, переходъ церковнаго имущества рано или поздо въ собственность государства, или, что тоже, въ руки евреевъ, будетъ намъ наградою!

Тоже одобреніе сопровождало слова говорящаго, никто не возражалъ ему и онъ провозгласилъ:

— Представитель колѣна Иссахара, за вами слово.

Теперь заговорилъ старческій дрожащій голосъ:

— Пусть братья стараются объ уничтоженіи вооруженной силы. Грубое военное искусство не для сыновъ Израиля: не каждому быть Гедеономъ! Армія—защита трона и школа узкаго патріотизма. Не мечь, а разумъ и деньги должны царить. Поэтому, при всякомъ удобномъ

случаѣ, стараться содѣйствовать паденію военнаго сословія, вселять къ нему недовѣріе въ народѣ и возбуждать между ними вражду. Солдатамъ достаточно исполнять обязанность полиціи и защищать имущихъ противъ неимущихъ.

— Левъ Іудеи подалъ свой голосъ; сказалъ странникъ злобно; — Давидъ побѣдилъ Голіаѳа. Народы скоро будутъ носить халаты вмѣсто военныхъ панцырей. Пощечина на биржѣ будетъ тоже, что проигранная битва!

— Казалось, гроза поднималась противъ наглой насмѣшки; но одно слово старшаго заставило всѣхъ успокоиться.

— Это сынъ Ваала! Онъ можетъ говорить, что хочетъ; но все таки будетъ дѣлать то, что постановитъ совѣтъ Шебатиновъ.

— Колѣно Завулоново можетъ говорить.

Глухой, какъ отдаленная гроза, голосъ заговорилъ слѣдующее:

— Нашъ народъ консервативенъ въ самомъ корнѣ, и крѣпко держится за старое. Но наша выгода требуетъ принять участіе, или вѣрнѣе, руководить движеніями народовъ. Неоспоримо, что наше время есть время цѣлаго ряда реформъ, главная цѣль которыхъ улучшеніе матеріальнаго состоянія нуждающихся классовъ. Но для этого имущіе классы должны будутъ принести жертву своими капиталами. Въ рукахъ евреевъ находится капиталъ. Поэтому они внѣшнимъ образомъ должны принять участіе въ движеніи и стараться отвлекать его отъ соціальныхъ реформъ къ политическимъ. Масса сама по себѣ и глупа и слѣпа и позволяетъ крикунамъ управлять собою. Кто кричитъ громче и умнѣе еврея? Поэтому нашъ народъ былъ первенствующимъ на трибунѣ, въ печати и во всѣхъ христіанскихъ общинахъ! Чѣмъ больше общинъ и собраній, тѣмъ больше недовольства и лѣни къ труду. Изъ этого необходимо слѣдуетъ обѣдненіе народа, пок-

чиненіе его тѣмъ, которые имѣютъ деньги и обогащеніе послѣднихъ. Кромѣ того, всякое движеніе обогащаетъ насъ, такъ какъ мелкіе люди раззоряются и дѣлаютъ долги. Непрочность основы увеличиваетъ наше могущество и наше вліяніе. Поэтому поддержка всякаго недовольства, всякая революція, увеличиваетъ нашъ капиталъ и приближаетъ насъ къ цѣли.

Продолжительное молчаніе послѣдовало за этой страшной рѣчью; каждый членъ этого тайнаго синедріона какъ бы раздумывалъ объ ея ужасномъ значеніи.

Сынъ Ваала опять хрипло засмѣялся.

— Развѣ вы боитесь крови? Вѣдь, она не ваша.

Тогда одинъ изъ собранія выразилъ свое согласіе, и всѣ остальные послѣдовали его примѣру.

— Сынъ колѣна Данова, твоя очередь!

Отвѣтъ носилъ на себѣ отпечатокъ еврея низшаго разряда.

— Всякая торговля, въ которой есть спекуляція и барышъ, должна быть въ нашихъ рукахъ. Это наше природное право. Мы должны прежде всего завладѣть торговлей спиртомъ, масломъ, шерстью и хлѣбомъ. Тогда въ нашихъ рукахъ—земледѣліе и сельское хозяйство. Мы вездѣ можемъ заготовлять хлѣбъ, а если возникнутъ неудовольствіе и нужда, мы легко можемъ свалить вину на правительство. Мелочной товаръ, съ которымъ много хлопотъ и мало дохода, мы оставимъ въ рукахъ Христіанъ. Они могутъ надрываться и мучиться, какъ избранный народъ мучился нѣсколько столѣтій.

Эта рѣчь почти не нуждалась въ согласіи. Левитъ вызвалъ слѣдующаго:

— Колѣно Нефѳалимово?

Слѣдующія слова прозвучали рѣзко и съ увѣренностью.

— Всѣ государственныя должности должны быть намъ открыты. Разъ, какъ этотъ принципъ будетъ принятъ, хитрость и лесть еврейскихъ служителей поможетъ имъ

проникнуть и туда, гдѣ они будутъ имѣть настоящее вліяніе; я говорю только о такихъ мѣстахъ, которыя даютъ честь, власть и преимущества. Мѣста же, гдѣ требуется работа и знаніе, могутъ оставаться за Христіанами. Поэтому евреи могутъ пренебрегать второстепенными мѣстами. Юстиція для насъ очень важна; адвокатура— большой шагъ впередъ. Это занятіе подходитъ къ хитрости и изворотливости нашего народа и даетъ намъ вліяніе и власть на отношенія нашихъ естественныхъ враговъ. Отчего еврей не можетъ быть и министромъ просвѣщенія, такъ какъ онъ уже неразъ былъ министромъ финансовъ?

— Вспомни о висѣлицѣ, Гаманъ, объ участи Зюсса и Липпольда! сказалъ предостерегающій голосъ.

— Зачѣмъ ворона каркаетъ о прошедшемъ времени, столь отдаленномъ и почти забытомъ? Не одинъ изъ нашего народа былъ министромъ во Франціи и былъ уважаемъ самимъ королемъ.

Согласіе было произнесено тономъ удовлетворенной гордости; затѣмъ ораторъ продолжалъ:

— Наши люди должны находиться между законодателями государства. Законы гоимъ (иновѣрныхъ, грѣшниковъ) противъ дѣтей Израиля должны быть уничтожены. Мы же будемъ отстаивать законы нашихъ отцовъ. Намъ больше не нужно законовъ, которые бы насъ защищали; нѣтъ, мы должны заботиться о такихъ, которые намъ будутъ приносить выгоду. Кроткій законъ о банкротствѣ, изданный въ интересѣ гуманности, будетъ золотой горою въ нашихъ рукахъ. Прежде всего мы должны заботиться, чтобы законъ роста былъ уничтоженъ во всѣхъ странахъ подъ тѣмъ предлогомъ, что деньги, вслѣдствіе этого, сдѣлаются дешевле. Деньги такой же товаръ, какъ и всякій другой и законъ долженъ давать намъ право возвышать его цѣну, на сколько намъ выгоднѣе.

— Теперь очередь колѣна Веніамина.

— Что могу я прибавить къ совѣтамъ такихъ мудрыхъ мужей? Еврей долженъ пользоваться также почестями, и поэтому долженъ стоять во главѣ всѣхъ обществъ, которыя могутъ дать почесть безъ опасности, и заняться тѣми отраслями наукъ и искусствъ, которыя больше подходятъ къ характеру нашего народа и легче другихъ ему даются. Мы можемъ сдѣлаться знаменитыми актерами, философами, потому что при этихъ занятіяхъ спекуляція можетъ имѣть мѣсто. Въ искусствѣ наши люди позаботятся о пріемѣ,—и воскурятъ намъ ѳиміамъ. Въ наукѣ мы примемся за медицину и философію Онѣ даютъ больше всего мѣста теоріи и спекуляціи. Докторъ проникаетъ въ тайны семействъ, имѣетъ жизнь въ своихъ рукахъ.

— Колѣно Асирово, слово за тобой!

— Мы должны требовать свободнаго брака между Іудеями и Христіанами. Израиль отъ этого только выиграетъ, хотя къ нему и примѣшается нѣсколько нечистой крови. Наши сыновья и дочери будутъ вступать въ союзъ съ знатными и могущественными семействами Христіанъ. Мы даемъ деньги и за это пользуемся вліяніемъ. Христіанское родство на насъ не можетъ дурно отразиться и мы сильно повліяемъ на него. Это одно. Другое то, что мы уважаемъ іудейскую женщину и пользуемся запрещеннымъ удовольствіемъ съ женщинами нашихъ враговъ. Мы имѣемъ деньги, а за деньги можно достать все. Іудей никогда не долженъ дѣлать наложницей дочь своего племени. Если ему придетъ охота погрѣшить противъ седьмой заповѣди, онъ долженъ довольствоваться христіанскими дѣвушками.

— Къ чему иначе давать занятія въ магазинахъ прекраснымъ дѣвушкамъ гойима?—злобно вмѣшался представитель злаго принципа: — кто изъ нихъ не захочетъ удовлетворить нашему желанію, не получитъ работы, слѣдовательно — хлѣба. Подите въ большіе города, и вы уви-

дите, что они не ожидали для этого вашихъ мудрыхъ приказаній. Сдѣлайте изъ брака Христіанъ, вмѣстѣ таинства, контрактъ, и ихъ жены и дочери пойдутъ еще охотнѣе въ наши руки.

Страшный цинизмъ этихъ словъ, затрогивающій такую живую струну, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе, при строгихъ взглядахъ древняго ученія на чистоту нравовъ.

— Какъ говоритъ законъ? спросилъ одинъ изъ двѣнадцати.

— За прелюбодѣяніе съ женщиной изъ нашего народа — смерть; за обольщеніе дѣвушки — денежный штрафъ, если она не была обрученной невѣстой; если да, то смерть. На связь съ рабыней законъ смотритъ снисходительнѣе, ея тѣло принадлежитъ господину.

— Развѣ гоймы лучше нашихъ рабовъ?

За этимъ объясненіемъ послѣдовалъ одобрительный шопотъ.

— Колѣно Манассіи можетъ говорить.

Послѣдній изъ ораторовъ поднялъ руку, и, во время рѣчи, то поднималъ, то опускалъ ее, какъ бы желая увеличить этимъ впечатлѣніе своихъ словъ. Его голосъ былъ хриплъ и непріятенъ; но онъ говорилъ ловко и съ увѣренностію.

— Если золото — первая сила въ мірѣ, то пресса — вторая. Что значатъ безъ ея содѣйствія всѣ высказанныя здѣсь мнѣнія и совѣты? Мы достигнемъ цѣли только тогда, когда пресса будетъ въ нашихъ рукахъ. Наши люди должны руководить ежедневными изданіями. Мы хитры, ловки и владѣемъ деньгами, которыми умѣемъ пользоваться для нашихъ цѣлей. Намъ нужны большія политическія газеты, которыя образуютъ общественное мнѣніе, критика, уличная литература и сцена. Этимъ путемъ мы шагъ за шагомъ вытѣснимъ Христіанъ и продиктуемъ міру, во что онъ долженъ вѣрить, что уважать, что проклинать. Мы

повторимъ горестный крикъ Израиля и жалобу на притѣсненія, которыми насъ угнетаютъ. Тогда, хотя каждый въ отдѣльности будетъ противъ насъ, масса, по своей глупости, будетъ всегда за насъ. Съ прессой въ нашихъ рукахъ, мы можемъ неправое обратить въ правое, безчестное — въ честное. Мы можемъ потрясти всѣ основы, разъединить семейства. Мы можемъ уничтожить вѣру во все, во что вѣрили до сихъ поръ наши враги. Мы можемъ раззорить кредитъ и возбудить страсти. Мы можемъ объявить войну, и можемъ дать славу, или безчестіе. Мы можемъ поднять, или загубить талантъ.

Когда у Израиля будетъ въ рукахъ золото и пресса, можно будетъ спросить: въ какой день угодно намъ будетъ возложить атарахъ, принадлежащій намъ по праву, воздвигнуть Шиссе и протянуть Шебетъ надъ народами земли.

Шумное привѣтствіе послѣдовало за этими словами и нѣсколько времени взволнованные подслушиватели едва понимали, что говорилось въ собраніи. Наконецъ голосъ Левита снова призвалъ всѣхъ къ молчанію.

— Роше-Бате-Аботъ двѣнадцати колѣнъ высказали мудрыя слова. Эти слова будутъ столбами грядущаго времени, если сынъ «неимѣющаго отдыха» напишетъ ихъ въ своей памяти и распространитъ свое сѣмя между народомъ Израильскимъ, чтобы онъ разростался могущественнымъ деревомъ. Онѣ будутъ мечемъ, которымъ Израиль поразитъ своихъ враговъ. Наше потомство должно сообща раздѣлить счастье, богатство и могущество, какъ оно дѣлило несчастіе и опасность. Каждый долженъ помогать другому. Куда одинъ поставитъ ногу, долженъ тащить за собою другаго, т. е. брата. Если одинъ несчастливъ, другіе должны помочь ему. Когда одинъ поссорится съ закономъ, другіе должны помочь ему, если онъ въ мирѣ съ закономъ нашего народа.

Кто сидѣлъ десять лѣтъ въ смирительномъ домѣ, мо-

жетъ сдѣлаться богатымъ человѣкомъ, которому поклонятся князья, если только наши не оставятъ его. Когда каждый противъ насъ, всѣ будутъ за насъ. Рука Іеговы привела насъ, послѣ 40 лѣтъ странствованія по пустынѣ, къ владычеству надъ землей Ханаанской, — она же приведетъ насъ, послѣ сорока пяти разъ сорока лѣтъ отъ нашего несчастья и бѣдствій, къ владычеству надъ землями, которыя въ сорокъ пять разъ больше ханаанскихъ. Если Израиль послѣдуетъ рѣшенію, принятому здѣсь Синедріономъ Каббалы, наши внуки, придя чрезъ 100 лѣтъ на могилу основателя нашего союза, возвѣстятъ ему, что они дѣйствительно сдѣлались князьями міра и что исполнилось обѣтованіе, данное народу израильскому. Другіе народы станутъ его рабами!... Возобновите нашу клятву, сыны золотаго тельца, и отправляйтесь во всѣ страны міра.

Синій огонекъ ярко засвѣтился на могилѣ Раввина; каждый изъ тринадцати бросилъ на памятникъ новый камень, который они принесли съ собой подъ одеждою.

Доктору показалось, что на верхушкѣ могилы въ голубомъ сіяніи появилась безобразная золотая фигура животнаго. Затѣмъ послышался тотъ же самый металлическій звукъ, какъ и при первомъ появленіи свѣта. Непроницаемая темнота покрыла кладбище.

Между могилъ снова промелькнули бѣлыя фигуры; ворота тихо заскрипѣли.

Часы на башнѣ возвѣстили второй часъ по полуночи. Послѣдній изъ таинственныхъ посѣтителей постучался въ лавочку и хриплый голосъ его сказалъ (какъ будто ему извѣстно было, что сторожъ не спалъ):

— Запри домъ жизни, стражъ тѣхъ, кто ожидаетъ воскресенія, и пусть твои уста будутъ сомкнуты печатью Соломона въ продолженіе 100 лѣтъ.

Ученый все еще лежалъ безъ движенія, онъ боялся

пошевелиться; такое сильное, потрясающее впечатлѣніе произвело на него все слышанное.

Шумъ около него показалъ ему, что его товарищъ встаетъ.

— Сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ капиталы всѣхъ народовъ, всѣхъ странъ; завладѣть всѣми землями, желѣзными дорогами, рудниками, домами; стоять во главѣ всѣхъ обществъ, занимать всѣ высшія правительственныя мѣста, парализовать вездѣ торговлю и промышленность, захватить печать, заправлять законодательствомъ, общественнымъ мнѣніемъ, народными движеніями...... И все это для того, чтобы всѣ народы на землѣ покорить подъ свою власть!!. .Нѣтъ!.... Я буду бороться съ золотымъ тельцомъ и разобью его въ дребезги, какъ Моисей разбилъ его въ пустынѣ.

— Что мы слышали, угрожаетъ всему обществу. Возьмите мою руку, я буду вашимъ товарищемъ въ этой борьбѣ съ владычествомъ золота.

— Итальянецъ покачалъ головой, но принялъ протянутую руку.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — я хочу дѣйствовать одинъ. Есть сила, которая, хорошо направленная, не слабѣе силы золота: — Это-бѣдность и ея спутникъ — трудъ. Его вызову и поведу на битву. Гордый Израиль! Берегись! Тебѣ я противопоставлю — *Артель и трудъ* [1]).

---

[1]) *Артель*, т. е. товарищество, братство, общество, союзъ, (отъ татарскаго слова *арта* — община, *ортонъ* — товарищъ) и *трудъ* дѣйствительно сильны противостать эксплуатаціи евреевъ. Чѣмъ успѣваютъ евреи? — Тѣмъ, что они соединились въ одну корпорацію и дѣйствуютъ совокупно всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. И мы можемъ отразить ихъ ополченіе на насъ тоже неиначе, какъ соединившись въ одну артель, въ одно братство, и дѣйствуя всѣ за одного и одинъ за

— А я, сказалъ воодушевленный ученый, все возвышенное и благородное — науку идеалъ, вѣру — поведу въ борьбу противъ этого матеріализма.

Его товарищъ засмѣялся.

— Ваши идеалы разлетятся, какъ глина объ металлъ. Только силы бѣдности и голода могутъ быть борцами, которые побѣдятъ золотаго тельца. Наши дороги здѣсь расходятся; вы пойдете одною, я другою. Мое слово исполнено; но помните вашу клятву — молчать обо всемъ, что вы здѣсь видѣли и слышали.

всѣхъ. Евреи для достиженія своихъ цѣлей дозволяютъ себѣ обманъ и другія предосудительныя средства, разрѣшаемыя имъ Талмудомъ; а намъ — Христіанамъ Евангельскій законъ этихъ средствъ отнюдь не позволяетъ, потому мы должны достигать своихъ цѣлей средствами честными и трудомъ, дѣйствуя единомысленно и единодушно въ союзѣ мира и любви. Евреи, исполняя повелѣнія Талмуда, оказываютъ любовь только собраніямъ своимъ, а насъ — Христіанъ ненавидятъ; намъ же законъ Евангельскій предписываетъ любовь даже ко врагамъ своимъ, а потому мы не должны питать ненависть къ евреямъ, а должны любить ихъ. Вообще любовь должна одушевлять насъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, предпріятіяхъ и намѣреніяхъ, какъ въ обращеніи между собою, такъ и при встрѣчахъ съ евреями.





